

Су Бай впервые взглянул на жилой комплекс «Счастье» левым глазом Чёрного Зонта.

Прежде, сталкиваясь с Фэн Лин, он уже задействовал силу Зонта, но тогда левая глазница представляла собой вырванную с мясом кровавую дыру. Ему приходилось прятать ее под повязкой, чтобы другие игроки не приняли его за аномалию и не прикончили раньше времени.

Сейчас Су Бай лишь заимствовал мощь призрака, сохраняя облик смуглого студента. Шрам на шее оставался почти незаметным, а пустую глазницу надежно скрывали оправа очков и густая челка. Даже встретив кого-то из людей, он вряд ли спровоцировал бы нападение.

Была в этом горькая ирония: вырванный с корнем левый глаз Чёрного Зонта, обратившись в зияющую рану, обрел способность видеть то, что скрыто от живых. Впрочем, его зрение искажало восприятие правого глаза и слух. Не будь этой синхронизации, человек сошел бы с ума от разрыва реальности, видя и слыша абсолютно разные вещи правым и левым ухом.

— Мяу.

Черная кошечка с золотыми глазами уютно устроилась на руках у Су Бая. Даже сквозь кровавую призму левого глаза она оставалась милым пушистым созданием, а не превратилась в копошащийся ком тьмы, что принесло парню немалое облегчение.

— Мяу?

Почувствовав на себе взгляд, кроха ласково прижалась к его груди и приоткрыла пасть.

— Всё в порядке. Давай вернемся и проверим.

Оторвав взгляд от кошки, Су Бай всмотрелся в квартиру 402. Выбитый левый глаз чудодейственным образом передавал картинку, хоть и окрашивал мир в алые тона. К этому легко было привыкнуть.

Поскольку собственные силы Су Бая оставались скромными, Чёрный Зонт сознательно урезал мощность глаза, дабы экономнее расходовать энергию и продлить время работы.

Иными словами, Су Бай видел лишь малую часть истинного лика комплекса «Счастье», однако и этого хватало, чтобы докопаться до правды, недоступной рядовым игрокам.

Яркий свет коридора сменился тусклой желтизной. Чистые плафоны на потолке оказались старыми, покрытыми многолетней копотью и грязью. Белоснежная плитка на стенах и полу исчезла – вокруг обнажился голый, серый бетон, даже не тронутый штукатуркой.

Но хуже всего были стены. В тусклом свете Су Бай разглядел темные, бурые разводы. Подойдя ближе с кошкой на руках, он понял: это засохшая, въевшаяся в бетон кровь.

Помимо кровавых потеков, на стенах отпечатались человеческие ладони и следы кошачьих лап. Все они были вымазаны в той же темной, почти черной жиже.

А поверх всего этого тянулись глубокие борозды от когтей...

Прежде милые кошачьи лапки теперь внушали липкий ужас.

— Это еще что...?

Переведя взгляд на двери квартир 401 и 402, Су Бай замер. Никаких белых стальных створок

больше не было – перед ним возвышались массивные черные надгробия!

Дверь 401-й превратилась в исполинскую кладбищенскую плиту, на которой четко проступали высеченные знаки:

«Могила любимого сына Линь Юнсяня.»

Над надписью, залитой белой краской, высился черно-белый портрет молодого парня, а снизу стояли имена его родителей.

Су Бай тут же вспомнил глухие удары в стену, которые слышал сразу по прибытии на этаж. Должно быть, буянил тот самый господин Линь Юнсянь из 401-й?

Сделав пару шагов назад, парень взглянул на «дверь» квартиры 402. Надгробие «тётушки» тоже было абсолютно черным, но вместо имени на нем высекли лишь одну строчку:

«Пусть они обретут здесь вечный покой».

«Они?»

Су Бай сжал кошку чуть сильнее, отчего малышка недовольно пискнула. Погладив ее, парень пошел дальше по коридору, разглядывая остальные двери.

Все квартиры четвертого этажа превратились в гигантские черные плиты, но, в отличие от 401-й и 402-й, надписи на остальных надгробиях были полностью издраны когтями!

Кое-где еще угадывались черты букв, но глубокие, беспощадные царапины животных полностью скрывали имена погребенных.

«У этих кошек такой аппетит... Не приди ты ко мне, им бы совсем нечего было жрать».

«Они едят всё подряд. А когда дома еда кончается, сами ходят добывать пропитание».

«Да только добрых людей снаружи нынче поубавилось. Мои крошки всякий раз возвращаются голодные как волки. Иной раз даже мои руки грызут...»

...

В голове Су Бая вихрем пронеслись слова «тётушки». Он вспомнил истощный кошачий ор, глухие удары Линь Юнсяня в стену и мертвую тишину остальных квартир...

Чем питались эти кошки?

Или, вернее... куда отправлялись звери, когда голод становился невыносимым? Кто становился их добычей?

Неужто... соседи?

Су Бай восстановил в памяти силуэт в кресле-качалке, светящиеся глаза в темноте, настойчивое желание «тётушки» выставить «племянника» за дверь и безмолвную просьбу котенка на руках.

Опыт прошлых лет помог быстро выстроить логичную картину происходящего.

Почесав кошку под подбородком, Су Бай повернул обратно к 402-й:

— Пошли. Посмотрим, что там на самом деле.

— Мяу!

Хотя дверь 402-й обратилась в мрачное надгробие, она по-прежнему стояла приоткрытой, а поддалась с легкостью обычной металлической створки.

Поскольку коридор погрузился в тусклый полумрак, в гостиной тоже стало куда темнее, чем во время его первого визита. К счастью, сила Чёрного Зонта не только давала левому глазу способность видеть сквозь ложь, но и прибавляла уверенности на случай драки.

«Сяобай? Почему ты вернулся?», – копошащийся силуэт в лоскутном платье всё так же покачивался в кресле.

Су Бай огляделся. Все кошки в поле зрения его левого глаза исчезли. Гостиная выглядела абсолютно пустой, если не считать скудной мебели, скрипа качалки и голоса «тётушки».

А где же мяуканье?

— Мяу-у-у...

Мяуканье раздалось вновь – истошное, многоголосое. Но звучало оно не от котенка на его руках, не с дивана и не из соседних комнат.

Весь этот жуткий хор вырывался прямо из тела «тётушки»!

<http://bllate.org/book/18156/1742734>